

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Задумывая эту антологию, мы хотели познакомить русскоязычных читателей с рядом известных современных датских писателей и надеялись, что этот проект внесет свою лепту в развитие взаимоотношений наших стран в области литературы и культуры в целом. Сегодня в Дании существует большой интерес к русской литературе, в том числе современной, и мы предполагали, в свою очередь, что яркая антология повысит интерес и русских читателей к современной датской литературе, пока не очень хорошо знакомой им. В сборник вошли как тексты авторов, уже переведшихся на русский язык ранее (Питер Хег, Шарлотта Вайце, Якоб Ведельсбю, Ида Йессен и др.), так и произведения писателей, ранее в России не издававшихся.

В книге представлены двадцать три автора, пишущих на разные темы и в различной стилистике, однако в их текстах угадывается общий лейтмотив — столкновение между действительностью и иллюзиями и мечтами о действительности, которые возникают у отдельно взятого персонажа. Возможно, и русский читатель сразу заметит это, если в его представлении Дания до сих пор была связана в основном с благополучным понятием «хюгге» и ассоциировалась прежде всего с топовым списком стран, население которых счастливо и довольно жизнью. Уже само название антологии свидетельствует о том, что Дания предстанет в ней в несколько ином облике.

Если судить по произведениям двадцати трех лучших датских писателей, то эту, казалось бы, счастливую и благополучную страну населяют

семьи, в которых царит разлад, и одиночки, измученные жизнью (в названии романа Кирстен Хамманн «Жизнь в шоколаде», фрагмент из которого вошел в антологию, можно отчетливо услышать иронию). Разумеется, жизнь в Дании не настолько беспросветна в общем и целом, а писатели уделяют внимание этим сюжетам в первую очередь по той причине, что литература — это сфера радикальных истин. Именно литература дает возможность наблюдать и анализировать реальность без каких-либо фильтров; обманутые ожидания и утраченные иллюзии в ней можно исследовать детально и глубоко. Счастливая семейная жизнь предстает в текстах сборника невоплотимой мечтой, словно сошедшей с сусальных открыток, в то время как в центре оказывается обратная, «темная» сторона этой жизни — полная скуки, забот и так мало общего имеющая с «хюгге»; именно она и становится в отобранных нами текстах предметом искусства. Это немного сродни знаменитому утверждению из «Анны Каренины» о том, что все счастливые семьи счастливы одинаково, тогда как несчастливые...

Хотя счастье на страницах антологии все же присутствует, просто не в виде девиза или лозунга, а как некий идеал, к которому продолжают стремиться разочаровавшиеся герои. Это счастье неожиданно может предстать совсем не таким, каким они его представляли. Вместо гармонии в нем бушуют противоречия: персонажи страдают от одиночества, но при этом их манит к себе свобода; им ненавистны обязательства, однако они неустанно пытаются обрести себя в кругу близких и в «большом социуме»; им кажется, что они чувствуют себя запертыми в подобии клетки, но при этом испытывают внутреннюю потребность в самозащите из крепких прутьев; они удовлетворяют свое плотское

вожделение, но жажда любви остается неутоленной. Авторам сборника важно показать читателю, как незначительное и простое иногда становится для человека подлинной трагедией, а жестокость и несчастья, каким бы невероятным это ни казалось, вытесняются сознанием, и зачастую и принимаются как нечто вполне естественное. Важно напомнить, что человек иногда обретает подобие счастья, объединяясь с другими людьми, пусть даже случайно и ненадолго.

Может показаться, что во всех произведениях, вошедших в антологию, речь идет исключительно о серьезных философских проблемах, и так оно и есть в том смысле, что задаваться вопросом о смысле нашей жизни, жизни людей в начале третьего тысячелетия, не шуточное дело. Однако текстам присуща и легучесть, и тонкая ирония — особенно иронично описаны самовлюбленные, эгоистичные персонажи, убежденные в собственной непогрешимости; в стиле возникают гротескные искажения и изломы, и это характерно для современной датской прозы и созвучно многим людям, обостренно воспринимающим жизнь.

Предубеждения, недостаток информации и привычка к спешке порой мешают нам в полной мере понять друг друга, таких разных. И здесь на помощь приходит художественная литература: лучшие образцы ее (а такие — в «нордическом» варианте — и вошли в данную антологию) могут открыть читателю глаза на нечто, отличное от него самого, обогатить его мировоззрение новыми деталями и нюансами, пригласить его в мир других людей, позволить ощутить и понять его. Однако при этом подлинную литературу чрезвычайно трудно перевести на другой язык, поскольку переданы должны быть не только сюжет и характеры персонажей, но и, насколько это

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

возможно, сама художественная сущность произведения, его интонация и настроение. Процесс перевода осуществляется в жестких рамках, заданных как лингвистическими, так и культурными различиями, существующими между языком оригинала и языком перевода, и это всегда интерпретация.

Над книгой совместно работали русский переводчик с датского и датский редактор с опытом перевода с русского на датский. Нашей целью было, трактуя оригинал, сохранить максимально полно его художественный потенциал. Мы надеемся, что нам это удалось и что, подобно тому, как был преодолен языковой барьер, будут преодолены и другие препятствия на пути к более полному взаимному пониманию читателей и писателей, живущих в России и Дании.

Тина Розен

КИМ ЛЯЙНЕ

Ким Ляйне, автор семи изданных романов и книги для детей, родился в 1961 году в Норвегии. Родителями воспитывался в духе и традициях Свидетелей Иеговы. В шестнадцатилетнем возрасте переехал в Копенгаген, получил среднее специальное медицинское образование. Пятнадцать лет прожил в Гренландии, где разворачивается действие нескольких его произведений. В 2004 году вернулся в Копенгаген и опубликовал свой первый роман, написанный как автобиографический. За роман «Пророки фьорда Вечности», переведенный на большинство европейских языков, Ким Ляйне получил Литературную премию Северного совета. «Я читаю с двенадцати лет. Именно тогда ко мне пришло понимание того, что: 1) действительность и представления о ней — это две совершенно несовместимые величины и 2) жизнь требует от человека настолько противоречивых вещей, что невозможно выжить, не ища утешения в пункте первом. А еще можно укрыться за книгой». В антологии представлены две главы из романа Кима Ляйне «Туну» (2009), которые вы можете прочесть как самостоятельные и самодостаточные рассказы.

КРАЙ

Гедеон сидит в каяке, прижав приклад винтовки к плечу. Он спускает курок, чувствует сильную отдачу, смягчает ее, отклонившись назад, но отклоняется слишком сильно и думает, что напрасно так сделал. Эхо выстрела мечется между каменистыми островками, с громким треском отскакивая от скал. Он видит маленький

вертикальный фонтанчик крови, бьющий из головы тюленя в тридцати метрах впереди, видит, как зверь, ставший в каком-то смысле зеркальным отражением себя самого, начинает поворачиваться, таща за собой прозрачный шлейф светло-розовой крови, бьющей из раны. Десятые доли секунды, которые у него остаются на то, чтобы удержать равновесие и не свалиться в воду, он тратит, цепляясь за ружье, хотя прекрасно осознает, что нужно его бросить, пусть идет ко дну, — надо хвататься за весло, лежащее перед ним поперек лодки. Ладно бы еще была дорогая винтовка, а то ведь старенький «Карл Густав», весь ржавый, его заклинивает, пружина в магазине износилась, так что приходится досылать каждый раз по одному патрону. Он уже давно хочет купить себе новую винтовку, да так пока и не собрался. И теперь цепляется за старую, какое-то время размахивая ею в воздухе, пытаясь сохранить равновесие, но уже видит, как опрокидывается линия горизонта, и понимает, что момент упущен.

Уже шел снег, когда несколько часов назад он отделился от остальных и отправился своей дорогой. Они хотели двигаться дальше на север, в надежде выследить медведя, ему же больше хотелось посидеть в одиночестве у края льда и насладиться тишиной. Его дом битком набит женщинами и их отпрысками, среди которых семеро его собственных. К тому же старшая дочь на последнем сроке, вот-вот разродится. Ольга, его жена, была очень рассержена, когда он уходил из дома сегодня утром.

— Тебе наплевать, что ты станешь дедом, — сказала она.

— Нет, мне не наплевать, — запротестовал он. — Почему ты говоришь, что мне наплевать?

— Через несколько часов, может быть, начнутся роды, — сказала Ольга, — и ты очень пригодился бы

мне в доме. Но тут ты как раз намылился куда-то со своими собаками.

Он провел рукой по ее бедру и ягодице. «Я скоро вернусь».

Она лежала к нему спиной, отвернувшись лицом к стене. Он слегка потянул ее за плечо, она оттолкнула его, тогда он нежно прикоснулся к ее груди, но она не отозвалась на ласку.

— Так и будешь лежать, даже не поцелуешь меня на дорожку? — спросил он.

Она не ответила. Хуже всего было то, что она лежала с открытыми глазами и смотрела в стену, он видел это. Она даже не попыталась сделать вид, что спит.

— Я вернусь и принесу мяса, — сказал он, легонько сжав сосок большим и указательным пальцами. Но она оттолкнула его руку и укрылась одеялом с головой. Тогда он встал, вышел на улицу, запряг собачью упряжку и поехал на север.

Первый раз он переспал с Ольгой — когда же это было, в 1988-м? Дело было в августе, он помнит, еще был праздник в местном клубе, поселок отмечал победу девчонок-футболисток, вернувшихся из города с кубком. Впервые в истории они его завоевали. Гедеону было восемнадцать, Ольге пятнадцать, она была лучшим нападающим, юная девчонка с крепкими бедрами и длинной черной косой. Они танцевали польку, кружились в танце, поддразнивали друг дружку, хватка становилась все более цепкой, они отстукивали каблуками по полу, потом танцевали, прильнув друг к другу. Он смотрел ей в глаза, ответный взгляд был нежным и ласковым. Гедеон прижался лицом к твердой, как камень, косе и вдыхал запах мыла и дыма. Он спросил: «Хочешь покажу тебе кое-что?» И повел ее на южный край поселка, мимо рыбообрабатывающей фабрики с расставленными сушилками

для рыбы, где, отливая золотом, висела треска: тысячи разрезанных вдоль хребта рыбин, ряды которых тянулись вверх по склону, где росли крупные черные ягоды бузины. Они наелись ягод, потом нашли место, где мох был сухим, и легли на него.

Гедеон провел большую часть детства на стоянках, такую стоянку от ближайшего поселка отделяли сотни километров. Его отец был промысловиком, он брал с собой жену, детей и собак и отправлялся с ними на лодке к далекому южному фьорду, на берегах которого не встретишь ни души. Там они зимовали в торфяной избушке, питаясь рыбой, мясом тюленей и продуктами, которые выменивали в лавке на часть добычи. Их было пятеро детей в семье. Еще один ребенок родился, но вскоре умер. Это была девочка, и родители сказали Гедеону, что детям можно посмотреть на нее перед тем, как тельце предадут земле и поставят сверху камень. Они должны были пообещать, что никогда никому об этом не расскажут. Возвращаясь в город, отец с матерью сильно пили, наверстывая упущенное за многие месяцы пребывания в безлюдных краях. Не обходилось без скандалов и драк. Когда Гедеону было двенадцать, отца обвинили по статье «применение насилия» и увезли в Нуук отбывать наказание. Больше Гедеон его не видел. Став взрослым, он пытался отыскать какие-то из их стоянок, проплыл в старых разошедшихся лодках сотни километров вдоль побережья в обе стороны, прочесывал бесконечные фьорды, но тщетно. Мать не могла сказать точно, где именно они зимовали. Гедеону пришлось смириться с тем, что детства больше нет.

Он был рядом, когда Ольга родила их первенца. Девочка буквально выскочила в жизнь ножками вперед. Внизу, в комнате, рядом сидели женщины и пили кофе. Услышав, как именно ребенок появился на свет, они рассмеялись. Еще одна футболистка! Дело было

в разгар зимы, мела метель, на кухне в стоявшей на плите кастрюле суп промерз до самого дна. Акушерка завернула малышку в полотенца и пледы. Гедеон держал ее на руках, пока перерезали пуповину. «Назовем тебя Эльза», — прошептал он на ухо девочке. Его маму звали Эльза. Она умерла за несколько месяцев до этого.

В последующие годы дети рождались своим чередом, каждый следующий вызывал все меньше переполоха. Но когда начинались роды, женщины всегда оказывались тут как тут и смеялись, прихлебывая кофе. Было не так просто дать имена всем этим детям, поскольку имя не дают просто так, с бухты-барахты; оно достается по наследству от кого-то, кто умер и чьи качества хотелось бы передать следующим поколениям. Гедеон пробовал заговорить с Ольгой о том, не лучше ли будет ее стерилизовать. Почему бы тогда не проделать это с ним самим, предложила она, но Гедеону эта мысль не понравилась. К тому же, что ни говори, такие вещи больше принято делать с женщинами. Прошло уже два года с тех пор, как Ольга родила предыдущего ребенка, и теперь она снова заводила разговор об еще одном. «Жизнь переворачивается с ног на голову, — думает Гедеон, — когда в семье детям меньше лет, чем внукам». Но Ольга прямо вся расцветает во время беременности. Гедеон живет в вечном страхе и выводит ее из себя, беспрестанно расспрашивая о месячных. Разве не вчера был срок? Он предлагает ей начать принимать противозачаточные, но она не хочет. Она явно завидует беременности дочери, соблазняет его заняться любовью в те дни, когда это чревато последствиями, а она чертовски хороша в том, что касается соблазна, ласкает рукой и ртом, она бесстыдная искушительница, и он не в силах ей противостоять.

Он несколько раз изменял ей. Ни разу это не было с его стороны всерьез, но он знает, что не всегда вел

себя безупречно. Гедеон признается в этом самому себе теперь, погружаясь в черноту воды, которая уже сдавила кольцом его правую руку и плечи. Ольга всегда узнавала об этом, в маленьком поселке ничего не утаишь, но предпочитала делать вид, как будто ничего не произошло, только немного жестче становился ее взгляд, она строже вела себя с детьми. Бывало, что они подолгу жили хорошо. Он добывал достаточное количество тюленей, она занималась шкурами, варила мясо, он ловил рыбу, она потрошила ее, разрезала вдоль хребта и развешивала вялиться возле дома. Их дом всегда был хлебосольным, гости едва ли не каждый день приходят и садятся на полу в кухне, и перед ними раскладывают еду. Дети благополучно выросли, зятя-невестки пошли, одна из сестер переехала к ним со своими детьми. В каждой комнате в его доме полно детей, они лежат вповалку друг на друге, многие из них уже всюю занимают сексом и не скрывают этого.

И вот этим февральским утром он отправился на охоту. Пройдя какое-то расстояние по льду, нагнал колонну из пяти упряжек и присоединился к ней. Они поднялись к вершине глетчера, пересекли его и спустились по противоположной его стороне, продолжив путь на север. Затем он отвернул в сторону и поехал к краю льда. Корнелиус, старший из зверобоев, сказал, что, возможно, он подъедет позже и составит ему компанию. К тому моменту, когда Гедеон достиг крайних островов, снегопад усилился. В падающем снеге была какая-то умиротворяющая тишина и ощущение близости ко всему в мире. Он сел на краю льда и стал следить за поверхностью воды, а снег сыпал на его бейсболку и плечи. Он не стращивал его. Когда тюлень всплыл на поверхность в паре сотен метров, Гедеона уже запырило снегом. Он сел в каяк и тихонько заскользил по воде, с винтовкой на шее.

Что Гедеону помнится в этот момент, когда его голова все еще находится на поверхности, но вода уже достигла подбородка, а пальцы так и не разжалась и не выпустили винтовку, так это снег, который больше не падает отвесно вниз, а идет под каким-то яростным, косым углом. Скачок температуры вниз или вверх, какое-то необъяснимое метеорологическое короткое замыкание в этих краях вызвало движение резко ускорившихся воздушных масс, устремившихся сюда с гор. Ударная волна, вызванная этой локальной бурей, прошла по прибрежной воде и достигла Гедеона как раз в ту секунду, когда он ощутил толчок в плечо, отдачу при выстреле. Секунду его не покидало обманчивое чувство всеобщего баланса, и в эту половинку секунды, когда он был счастлив и утратил бдительность, зная, что смертоносная пуля попала в тюленя, две силы объединились и смахнули его за борт, бросив барахтаться в воде. Только теперь он выпускает винтовку и чувствует укол грусти, видя, как она выскользывает из рук и идет ко дну.

Однако с некоторым удивлением он обнаруживает, что не последовал за ней. Подбитый мехом комбинезон не пропускает воду, пространства, заполненные воздухом, держат его на плаву — значит, он умрет, медленно коченея от холода, а не в считанные мгновения — от хлынувшей в легкие ледяной соленой воды. И все же он борется, пытаясь отсрочить неминуемое, с чудовищным усилием выворачивается, не давая воде залиться за шиворот и попасть внутрь комбинезона. Ему удается схватиться за каяк, и он немного подтягивается на руках, но не может забраться на него, он полулежит на нем на спине, издавая громкие стоны, отдавшись на волю течения. До него доносится пофыркивание, и он замечает тюленя в нескольких метрах от себя. Зверь еще жив, он лежит и истекает кровью из раны в голове.

Тюлень прибывает совсем близко, и Гедеон пытается оттолкнуть тушу, но чуть не выпускает при этом каяк. Тогда он предпринимает попытку повернуть каяк так, чтобы тюлень оказался по другую его сторону. Маневр удаётся. Но Гедеона охватывает страх при мысли о том, что тюлень очнется и вонзит в него зубы. Тюлени — хищники, зубы у них острые, как иглы. Он знает, что обычно они не нападают на людей, но перед глазами упорно стоит картина того, как раненый, истекающий кровью и обезумевший от боли и страха зверь набрасывается и начинает рвать его на куски, пока он, беззащитный, лежит в воде. Лучше уже тогда утонуть. Но он продолжает цепляться за каяк.

Внимание Гедеона было слишком поглощено тюленем, и он не следил за тем, куда течение относит его. Только когда каяк начинает скрести по кромке льда, до него доходит, что его прибило к льдине, туда, где он в безопасности сидел несколько минут назад. Он видит собак, они вскочили на лапы, стоят и высматривают его, наострив уши. Гедеон подзывает их, они виляют хвостами и повизгивают, но он сам опрокинул нарты набок, чтобы собаки не утащили никуда упряжку, и теперь им не сдвинуть ее с места. Он заковенел, у него нет сил подтянуться на руках. Если он сейчас выпустит каяк, то пойдет напрямик ко дну. А у него нет желания идти ко дну, он не хочет опускаться туда, во мрак, лучше умереть здесь, наверху, где есть воздух и свет, тогда его потом смогут найти и отвезти домой на нартах, и Ольга с детьми будут стоять на коленях над его телом и, рыдая, целовать его превратившиеся в куски льда щеки.

Однако течение сильное, Гедеон чувствует, как, подчиняясь воде, его ноги, подобно водорослям, развешаются, постепенно уходя в глубину. Рано или поздно его утащит под лед целиком. Вода залилась в комбинезон, он отяжелел и больше не выполняет функцию

спасательного жилета. Собрав последние силы, Гедеон делает рывок, отпуская каяк, выбрасывает пропитавшиеся водой руки на кромку льда и, прежде чем течение стащит его в воду, вмержает в лед. Так он лежит на спине и смотрит в небо. Скоро стемнеет, но погода проясняется, хотя снег, пусть и не такой густой, еще идет. Снежинки опускаются Гедеону на лицо, и ему не смахнуть их. Внизу в темноте покачивается в потоке воды его тело, но он уже практически его не чувствует, холод ввел ему свой наркоз. Рядом плавает туша тюленя. Он мертв, по крайней мере, больше не фыркает. Гедеону жаль бессмысленно пропадающего мяса.

ШТОРМ

Ассер сидит в своем доме, в том, что за церковью, и бездельничает. Пару недель уже бушует шторм, давая иногда день-два передышки, и тогда вода капает с крыш, и ощущается тягостная, свинцовая тишина; потом начинает хлестать дождь, столбик ртути падает ниже нулевой отметки, и весь остров словно покрывается глазурью, наступает время обледеневших дорог и переломанных костей; потом опять начинается дождь, и дома содрогаются от порывов ветра, затем небо проясняется, и на севере становится видно глетчер, источившийся и светящийся мятно-голубым светом. Ассер лежит на диване и читает роман. Прогноз погоды сообщает об очередном падении атмосферного давления. Что по радио, что по телевизору — и там, и там поет женский хор. Ассер слышит это пение через стенку, они там врубили у себя на полную громкость, голоса монотонные и заунывные. Исполняют наиболее традиционные псалмы, напоминающие ему о его детстве. Торчат вот так в одиночестве в доме, которым владеет

стихия, в поселке, оккупированном льдом и мраком, и слушать женский хор, поющий у соседей, в ожидании шторма, — хуже смерти.

В пятидесятые годы этот дом на две семьи построил отец Ассера. В то время большинство семей еще жили в торфяных избушках. За стенкой — зверобой с женой и тремя детьми. Дом стоит всего в нескольких метрах от берега. Когда разыгрывается шторм, волны дохлестывают до стены, и на поверхности откладывается соль, разъедающая покраску и замазку, на которой оконные стекла держатся в рамах. В декабре вода примерзает к стене, так что вся обращенная к северу сторона дома покрывается ледяным панцирем, выполняющим, правда, отчасти и теплоизолирующую функцию. Время от времени намерзший лед откалывается и пластами съезжает по стене или крыше с оглушительным грохотом, снимая со стены стружку, из-за чего она становится все тоньше и тоньше. Когда такое случается и кусок стены оголяется, внутри воцаряется лютый холод, и необходимо утеплять стену с внутренней стороны картоном и легкими ватными одеялами.

Но Ассер любит свой дом. Каждый год муниципалитет принимает решение о его сносе и постройке чего-нибудь нового, солидного таунхауса на четыре семьи, с отдельными входами и центральным отоплением, и каждый раз все перекладывается на бюджет следующего года. По той же причине все улучшения, выпадающие на долю этого дома, носят в высшей степени временный характер. В летние месяцы, когда лед стаивает, Ассер и его сосед Стефанус принимаются латать дыры. Вся северная сторона дома постепенно превращается в лоскутное одеяло из мазонитной плитки, пропитанного битумом картона и пластин из жести, которые они плотно подгоняют друг к другу, приколачивают поверх прогнивших досок, а также обивают